

Манфред **ЛЮТЦ**

БЕЗУММЕ!
НЕ ТЕХ ЛЕЧИМ

Занима-
тельная
книга
о психо-
терапии

Манфред Лютц

**Безумие! Не тех
лечим. Занимательная
книга о психотерапии**

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2009

УДК 159.9
ББК 88.4

Лютц М.

Безумие! Не тех лечим. Занимательная книга о психотерапии /
М. Лютц — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2009

ISBN 978-5-00025-037-2

Первое российское издание бестселлера психиатра и теолога, директора Кельнской психиатрической больницы, популярного немецкого писателя Манфреда Лютца. Книга посвящена психике человека и болезненным отклонениям, относительности понятий «нормального» и «ненормального», затрагивает философские проблемы бытия, касается вопросов этики. Книга написана с редким для такой тематики чувством юмора и будет интересна самому широкому кругу читателей.

УДК 159.9

ББК 88.4

ISBN 978-5-00025-037-2

© Лютц М., 2009
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2009

Содержание

Дорогой читатель!	6
Увертюра	8
Введение	10
Часть I. Наша проблема – нормальные люди	12
1. Безумие	12
Совершенно обычное безумие – Гитлер, Сталин и исследования мозга	12
Безумно нормальные – односторонние и стоящие по стойке «смирно»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Манфред Люцц

Безумие! Не тех лечим.

Занимательная книга о психотерапии

© by Gütersloher Verlagshaus, Gütersloh, in der Verlagsgruppe Random House GmbH, München, 2009

© Люцц М., 2009

© Лашков Б., перевод, 2014

© Издательство «Скифия», 2014

Дорогой читатель!

Самое частое предубеждение по отношению к психиатрам: да все они сами ненормальные! Данная книга может только подтвердить это. Манфред Лютц не нормален. Это-то уж точно. Является ли «нормальность», однако, противоположностью болезни, противоположностью необычности или это что-то иное, вы узнаете сами в процессе чтения этой книги. Автор – психиатр до глубины души. Именно такие и нужны. Его клиника находится недалеко от Кельнского аэропорта – тот, кто едет туда, понимает, что самые точные названия дает сама жизнь, ведь съезд с автострады называется «Бред».

Медицинское искусство состоит в том, чтобы настолько не вмешиваться, насколько это возможно. Таково общее правило, как для психиатров, так и для хирургов. Хирургу требуется 2 года, чтобы узнать, как делать операцию, и 20 лет, чтобы научиться понимать, когда ее не надо делать. Так же и психиатру требуется много лет практики, чтобы понять, когда необычного человека не надо лечить. Тот, кто занимается психически больными долгое время, осознает, что еще нормально, а что уже представляет реальную проблему. Автор этой книги занимательнейшим образом позволяет нам принять участие в этом «сумасшедшем» опыте.

Когда вспоминаешь, как часто зависает любой просто устроенный компьютер, перестаешь удивляться тому, что психические заболевания являются наиболее распространенными. Эта книга – увлекательное и предельно занимательное исследование удивительного психического мира. После ее прочтения, возможно, вы научитесь по-другому видеть и оценивать вашу странную тетю и вашего гротескного двоюродного брата. И, может быть, самого себя.

Человеческий мозг – самая сложная вещь в мире. К несчастью, выпускается он без руководства по эксплуатации. Поэтому большинство людей, действуя интуитивно, обращаются с ним ошибочно. Они говорят себе: «Я хочу сохранить мозг как можно дольше, используя его как можно реже!».

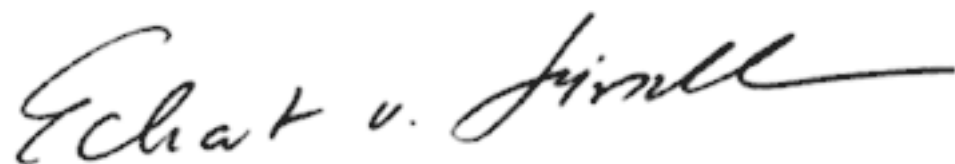
Это ошибка – мозг необходимо тренировать как мышцу, не делайте из него сфинктер. Все, что мы часто делаем, изменяет структуру нашего мозга. «Со временем душа принимает цвет мыслей», – говорил еще Марк Аврелий 2000 лет назад в Риме. Сегодня мы говорим «нейропластичность». Это значит, что нервные клетки, когда их используют, перестраиваются, и, пока вы читаете эту книгу, ваш мозг может заниматься собой. Не мешайте ему!

Наш разум хочет однозначно оценивать вещи, но мир противится простому разделению понятий болезнь – здоровье, слева – справа, правильно – ошибочно. Мы можем одновременно найти противоречия в трех различных функциональных состояниях: в мечте, психозе и смехе. Эта книга обо всех трех состояниях. Но смех – самое здоровое из них.

Врачебный язык содержит иногда скрытую поэзию. «Шизофрения» означает дословно: расщепленная диафрагма. Греки думали, что душа находится в диафрагме. Как комик я нахожу очень симпатичным представление, что смех, душа и дыхание принадлежат друг другу. Еще Аристотель думал, что мозг – это только орган для охлаждения крови. И как мы сегодня знаем, он оказался прав по отношению ко многим людям...

Сомнения – это признак высокой квалификации врача. Того, который знает ответы на все вопросы, лучше всего вовсе не спрашивать. При этом я хотел бы подчеркнуть, что я с Манфредом Лютцом о некоторых вещах не единого мнения, но он был очень открыт для споров – что более, чем нормально. Мы едины в нашей миссии: смех делает жизнь прекраснее, и на хорошем немецком языке можно свободно касаться даже трудных вещей и остроумно их обсуждать. Комизм возникает, когда смотрят трагедию и при этом подмигивают. И эта книга иногда в одно и то же время одним глазом смотрит, а другим подмигивает. Пусть многим читателям она откроет глаза на старую рейнскую мудрость: «Каждый дурак особенный».

Сердечный Глюкауф¹

A handwritten signature in black ink, reading "Eckart v. Jirrell". The signature is written in a cursive, flowing style with a long horizontal stroke at the end.

*Д-р Эккарт фон Хирихаузен,
врач, артист кабаре, автор книг «Немецкий – лечебный», «Печень растет
с нагрузкой», «Счастье редко приходит одно». Учредитель фонда «Юмор
помогает лечить».*

¹ Приветствие немецких горняков.

Увертюра

Безумие единиц – исключение, а безумие целых групп, партий, народов, времен – правило.
Фридрих Ницше

Когда, будучи психиатром и психотерапевтом, смотришь вечерние новости, то обычно возмущаешься. Там постоянно говорят о людях, развязывающих войны, террористах, убийцах, экономических преступниках, хладнокровных обманщиках и бесстыдных эгоистах – и никто их не лечит. Более того, такие типы считаются совершенно нормальными. И когда я вспоминаю людей, которыми день и ночь занимаюсь, этих трогательных больных деменцией, тонкокожих наркоманов, чрезвычайно чувствительных шизофреников, депрессивных и маниакальных больных, вызывающих сострадание, то меня охватывает тяжкое подозрение: мы лечим не тех! Наша проблема не сумасшедшие, наша проблема – нормальные!

Чтобы подтвердить это смелое утверждение, недостаточно заниматься странностями нормальных, надо познакомиться с сумасшедшими. Это, конечно, не так просто для обычных граждан. Ведь раньше психически больных людей отправляли в больницы куда-нибудь подальше на природу в простодушном предположении – свежий воздух не повредит. Когда же заметили, что удаление странных сограждан из окружающего человеческого мира делает их еще более странными, их быстро вернули в наши города. Но теперь эти люди живут в таких профессионально управляемых заведениях, что у обывателя складывается впечатление – необходимо окончить университет, чтобы спросить у шизофреника, как пройти к вокзалу. Привычное важничанье некоторых психиатров создало такое профессиональное гетто, что обычным гражданам психически больные кажутся настолько иными, будто они прилетели с другой планеты.

Что же делать? Необходимо просвещение. Нужно рассказывать о сумасшедше-нормальных и нормально-сумасшедших. В этой книге я поставил себе задачу, опираясь на современные научные знания, представить в доступной широкому кругу читателей форме все психические болезни и весь спектр наиболее широко применяемых приемов терапии. Почти у любого из нас есть странная тетя или чудной дядя, о которых только шушукуются. И у каждого по соседству есть такой необычный тип, поведение которого не укладывается ни в какие рамки. Дочитав до конца эту книгу, вы многое поймете об этих людях. Она изменит вас, и вы будете по-другому относиться к своим согражданам.

Вся психиатрия и психотерапия в одной небольшой книге? Не слушайте людей, которые, высоко подняв брови, утверждают, что о психиатрии и психотерапии нужно писать только толстые тома без тени юмора! На всякий случай, я дал прочесть эту книгу ведущим экспертам в области психиатрии, авторам не одного толстого учебника, но и они нашли, что предлагаемого количества страниц вполне достаточно.

Я особо благодарен за важные идеи профессору Клаусу Дернеру из Гютерслоха, профессору Вольфгангу Майеру из Бонна, профессору Клаусу Виндгассену из Ремшайда, профессору Мартину Хаутцингеру из Тюбингена и профессору Кристиану Раймеру из Гиссена. Я благодарю также д-ра Иоахима Бранденбурга, представителя больных, и фрау Сюзанну Хайм, представительницу родственников, за критическое прочтение книги. Д-ра Экарта фон Хиршхаузена я сердечно благодарю за остроумное предисловие, активную дискуссию и множество хороших идей. В конце концов, книга была прочитана мясником, мнение которого я очень ценю, который очень строго следил за общей доступностью текста. Одно ясно: если вы прочитали эту книгу, то сможете разговаривать с любым сумасшедшим, в крайнем случае, с самим собой.

Книга, кстати, годится даже для хирургов, «естественных врагов» психиатров. Хотя, как правило, книги хирургов мало занимают, поскольку не кровоточат. Но они с интересом читают руководства – а здесь как раз инструкция по необычным людям и тем, которые хотят стать таковыми.

В целях соблюдения правовых норм я должен сделать еще одно предупреждение. Я, как обычно, подошел к теме с юмором. Но можно ли вообще говорить о психических больных с юмором? Я считаю, да. Так как юмор – это одна из форм возвращения людей с любовью в жизнь. Каждый человек имеет право на юмор. Я научился этому в группе «Брюки-крюки», которой мне пришлось заниматься 25 лет тому назад в Бонне, и в которой проводили свободное время инвалиды и здоровые. Если там кто-то из моих друзей-инвалидов был восхитительно остроумен, то и над ним можно было посмеяться. Кто же считает, что о «наших бедных психически больных» можно говорить только с серьезной миной полной сострадания, тот исключает этих людей из объектов нашего социума. Но прежде всего, собственно, о нас, нормальных, и можно только с юмором говорить. Поскольку, положив руку на сердце, люди, которые до боли нормальны (нормопаты), в большинстве случаев удивительно смешны.

Введение

Функция печени растет вместе с нагрузкой, утверждает Эккарт фон Хиршхаузен. Не относится ли это также и к мозгу? Кабаретист Юрген Бекер придерживается другой точки зрения. Он считает ленточных червей эволюционно прогрессивнее, так как они упразднили мозг. Они живут паразитами в кишках, наилучшим образом накормлены и чувствуют себя превосходно. Мозг для них абсолютно излишен. Мы же, люди, напротив, полны проблем. Мы преодолеваем множество трудностей для того, чтобы безупречно питаться, эффективно размножаться и в целом получать удовольствие от жизни. Поэтому нам приходится постоянно таскать свой мозг для решения проблем, которых у нас вовсе не было бы без этого «излишнего» органа.

Подробнее об этом. Во всяком случае, в сравнении с животными мы «существа недостаточные», как написал философ Арнольд Гелен. Поэтому, думал он, мы нуждаемся в институтах, которые помогли бы преодолеть нам наши недостатки. Ведь мы определенно нуждаемся в уходе как в начале жизни, так и в ее конце. В какой-то момент мы сами ухаживаем за приходящими в этот мир и уходящими поколениями. В принципе, за всю историю человечества мы порядком намучились, насилуя наши мозги, чтобы изобрести очки для поддержки глаз, слуховые аппараты для поддержки ушей, машины для поддержки органов движения и одежду для защиты нашей смешной безволосой кожи.

Эти усилия, должно быть, не пошли нам на пользу, поскольку, в отличие от животных, мы склонны вести себя странно. Биолог Мидас Деккерс указывает на то, что, например, спорт является абсолютно неестественным занятием: «Ни одно животное не занимается спортом». Также, пожалуй, нет таких млекопитающих, которые бы длительное время взаимно уничтожали друг друга. И это ни в какой мере не относится к примитивным человекообразным созданиям с мускулами. Психиатр Томас Фукс говорит, что при росте цивилизации склонность к взаимному уничтожению даже возрастает. Положение щекотливое. Перед настоящим вселенским судом мы выглядели бы дьявольски плохо. Можно опасаться, как бы все человечество не было отправлено на лечение из-за явно ненормального поведения и острой угрозы для всего живого.

Не следует ли при таком положении вещей опасаться, что в этом сумасшедшем человечестве те, которые обозначаются самими людьми как сумасшедшие, достигнут такого уровня безрассудности, что перейдут все границы? Однако, почему-то этого не происходит. Когда случаются сенсационные преступления, совершенные психически больными, телекомпании иногда берут у меня интервью. Тогда после естественного признания единичного случая я обязательно указываю на то, что статистически психически больные совершают меньшее количество преступлений, чем нормальные. Мой вывод: «Остерегайтесь нормальных!»

На чем основан этот странный итог? Люди с психическими нарушениями часто просто не участвуют в обычном безумии нашего общества. Соответственно, предельно индивидуальная суть бреда не имеет большого значения. Психическое нарушение может стать даже особой способностью. Если непредвзято оценивать психически больных людей, то, прежде всего, они просто необычны.

Большинство страдает от этой необычности. Поэтому врачи озаботились и изобрели психиатрию. При этом были разработаны методы терапии, которыми можно уменьшить страдания и создать из исключительных людей снова обычных. Однако, всегда ли обычное существование имеет преимущества? Во всяком случае, в последнее время современные терапевты обнаружили, что довольно бессмысленно обращаться с психическим нарушением как с неким заскоком, который необходимо как можно быстрее ликвидировать. Ведь нередко проблему можно решить несколькими искусными приемами. «Что хорошего в плохом?», – спрашивал еще австрийско-американский психотерапевт и автор бестселлера («Руководство к несчастли-

вому бытию») Пауль Вацлавик. Он обосновал точку зрения психотерапии, ориентированную на ресурсы, старавшуюся выявить способности человека, который до сих пор рассматривал себя только как сгусток проблем. «Решение не имеет ничего общего с проблемой», – утверждал великий изобретатель терапии Стив де Шазер и настаивал на том, чтобы внимание врача было направлено радикально и исключительно на скрытые или забытые силы пациента. Если пациент опять обратит внимание на свои способности, то они смогут действовать снова и этого будет достаточно, чтобы решить проблему.

Нормальные, напротив, совсем ничего не должны освещать по-новому. Из-за слишком толстой шкуры или из-за пустой беспечной жизни у них никогда не будет шанса добраться до вершин своих возможностей. Нормальное бытие может означать трагическую судьбу. Неудивительно поэтому, что нормальные мстят, затевают войны, грабят, убивают и обманывают, чтобы почувствовать напряжение жизни, которого они иначе не познали бы никогда. Иногда они даже просто паясничают. «Очень полезно, если тебя повсюду считают сумасшедшим», – говорит героиня Одри Хепберн в «Завтраке у Тиффани».

Часть I. Наша проблема – нормальные люди

1. Безумие

Безумие психиатры находят только при определенных болезнях. Однако, общественность говорит гораздо чаще о «совершенно обычном безумии» и подразумевает под этим не болезни, а всеобъемлющие странности, о которых повсюду сообщают средства массовой информации. Последствия этого совершенно обычного безумия более разрушительны, чем безобидные выдумки шизофреника из соседнего дома. Такое очевидное совершенно обычное безумие доказывает еще раз тревожный тезис этой книги: наша проблема – это нормальные!

Совершенно обычное безумие – Гитлер, Сталин и исследования мозга

Был ли Гитлер сумасшедшим? Многие люди на этот вопрос находят быстрый ответ. Такой массовый убийца должен быть сумасшедшим! Ведь явно же ненормально развязать мировую войну и проводить геноцид. Но так ли уж сразу больной? Ни в коем случае! Если бы это было так, то необходимо было бы такого Гитлера объявить невиновным. Насколько известно, только один-единственный психиатр, впоследствии заведующий кафедрой Гейдельбергского университета, Карл Вилльманн видел Гитлера вблизи. Но даже и издали никакой серьезный психиатр не подтвердил бы невиновность Адольфа Гитлера. Он был определенно чудовищным явлением, не знавшим меры в своей ненависти, агрессии, желании уничтожения, но больным он не был. Утверждать, что Адольф Гитлер был болен, значит опознать ужас исторической катастрофы, которая связана с этим именем. Тогда надо было бы Гитлера только прилежно полечить психиатрическими методами, и вся проблема разрешилась бы наилучшим образом. Небольшое количество лекарств, заботливое окружение и, прежде всего, трудотерапия психически больного мюнхенского живописца могли бы предотвратить смерть миллионов людей. Однако, все это вздор. Гитлер был нормален, ужасно нормален. Он был настолько нормален, что обладал даже особой способностью очень хорошо разбираться в нормальных людях, говорить именно то, что они хотели услышать, что доходило до них. Иоахим Фест в своей классической биографии Гитлера связал историческое величие с ответом на вопрос, может ли человек объединить свое мышление с ощущением времени, и пришел к страшному выводу, что в этом отношении отказать Адольфу Гитлеру в величии не так просто. Ведь, действительно требовалась незаурядная способность убеждать, позволившая с помощью популистской риторики зафиксировать на себе внимание людей, использовать в своих целях сначала их, а затем и целое государство, а после весь мир погнать на войну. Психическое заболевание сделало бы такой продолжавшийся в течение почти 30 лет процесс, требовавший значительных сил, невозможным с самого начала. Злу, которое совершил Гитлер и те, кто был с ним заодно, нет никакого прощения. Гитлер был не болен, а нормален. И это-то как раз и является самым страшным в этом человеке. Войны никогда не ведутся психически больными, для этого требуется слишком большая целеустремленность. Если бы Гитлер был болен психически, он не смог бы совершить своих преступлений.

Для кого-то бывший кандидат в священники Иосиф Сталин – также кандидат в психиатрию. Сторонники этого мнения вспоминают, прежде всего, «патологическое» недоверие старого диктатора, которое стоило жизни бесчисленному количеству людей. Но, если бы кто-то вел себя нерационально только под влиянием далекой от реальности мании преследования,

ему скоро перестали бы повиноваться. Напротив, определенное недоверие прямо-таки жизненно необходимо для диктаторов. Среди миллионов мертвых, погибших в результате обычного бреда Сталина, несомненно, были также и такие, которые могли бы представлять опасность для его господства. И его живые противники после всех этих массовых убийств весьма основательно размышляли, хотят ли они рисковать своей жизнью. Нет указаний на то, что Иосиф Сталин мог быть болен психически. Совсем наоборот, именно мощная преступная эффективность Сталина гарантировала ему господство. Когда же самодержцы стареют и заболевают, то систематическое подавление ими противников ослабевает, и это нередко стоит им власти. Пример тому – шах Персии, а также Эрих Хонеккер и конголезский диктатор Мобуту.

Тот, кто в противоположность им действительно страдает манией величия, – встает на перекрестке в Ванне-Эйкеле² и заявляет, что он самый великий. После сравнительно короткого лечения в местной психиатрической лечебнице проблема разрешается, и мужчина может снова идти на свою работу в городском архиве. Но если некто, кого зовут Ким Ир Сен, занимает центральное место в северокорейской столице Пхеньян, утверждая то же самое, разумеется, окруженный многочисленными ликующими приверженцами, тогда эту проблему невозможно разрешить обращением к психиатру. Так как мужчина этот нормален, во всяком случае, не болен. То, что такое совершенно обычное безумие может быть наследственным, подтверждается сегодня его в высшей степени странным отпрыском, который с неослабной беспощадностью и непредсказуемостью в международных делах командует самым большим в мире лагерем заключенных. Мао Цзэдун не был, как известно, любимым дядей, как он охотно позволял представлять себя публично, а был эгоистичным садистом и сластолюбцем, на совести которого, пожалуй, больше убийств, чем у любого другого диктатора со времен существования человечества. Но перечисленные качества никогда не создавали у этих удивительных субъектов картины болезни, требующей лечения, а, следовательно, и возможности излечиться.

И в наши дни были примеры совершенно обычного безумия: диктатор Саддам Хусейн, террорист Усама бен Ладен или людоед из Роттенбурга Армин Майвес, за которым охотился даже Голливуд. Тем не менее, Саддам Хусейн был в состоянии долгие годы держать под своим контролем большую страну, Усама бен Ладен очень долго и успешно прятался от американцев и поддерживал боеспособной свою террористическую сеть, а Армин Майвес с очевидным удовольствием выступал публично. Все это не болезнь, а отвратительное явление. Это нельзя лечить, можно только презирать и осуждать.

В последнее время исследователи мозга попытались отобрать у нас ответственность за эти постыдные теневые стороны нормального человечества. Исследователь мозга Герхард Рот жизнерадостно объявил, что мы вовсе не виноваты во всем этом. Он настаивает на отмене уголовного права и на отказе от преследования нарушителей закона о гуманной дрессировке животных. Шикарная идея! Это не мы виноваты, это наш мозг! И за него мы, как известно, не отвечаем. Виноват ли я, если нейротрансмиттеры безобразничают в моем переднем мозгу и искажают мою мораль? Идея господина Рота и его друзей-исследователей мозга не особенно нова. В наши дни мы празднуем ее 290-ый день рождения. Некий господин Толанд еще в 1720 году объявил мозг машиной, которая создает наши мысли согласно своим собственным законам. Еще в то время хватило образования, чтобы распознать ошибку. Естественно, нельзя играть сонату для рояля без рояля, и действительно нет звука без движения клавиш. Но без гениальных мыслей таких людей как Людвиг ван Бетховен и без пианисток, как мои дочери, не было бы в действительности сонат для рояля. Естественно, что всем нашим мыслям соответствуют какие-то материальные изменения в мозгу, и также, прежде чем мысли определенно и ясно проявятся, в ожидании мысли происходят некие действия нейротрансмиттеров, которые

² Город Ванне-Эйкель в Рурской области пользовался правами т. н. «внеокружного города», то есть, самостоятельными административными правами.

можно измерить. Но, тот, кто путает пианино с композитором или пианистом, совершает ту же ошибку, что и посетитель ресторана, который путает меню с настоящей едой и откусывает от картонки. Философия называет это сбоем категорий. Раньше можно было бы над таким посмеяться. Сегодня же эзотерически настроенные исследователи мозга едва ли осмеливаются громко говорить или смеяться, не говоря о том, чтобы противостоять совершенно откровенному вздору. Для этого нужны такие философы как Юрген Хабермас, которые разоблачают обман и предупреждают, что с такими необдуманными речами наше свободное общественное устройство полетит в тартарары.

Но чем же привлекательны такие теории? Они освобождают! Они освобождают нас, нормальных, от все более тяжелой тотальной ответственности за обычное безумие, которое мы совершаем изо дня в день. Нам очень жаль, это были не мы, и сейчас это не мы, и мы никогда не будем ими! С нашими-то нейротрансмиттерами! Мы, люди, не отвечаем за все эти войны, массовый голод, эксплуатацию человека и природы и за все это презрение к человечеству. Это все нейротрансмиттеры, презирающие нас. Мы удивительнейшим образом довели себя до волшебного исчезновения. Нас просто в принципе нет, мы ни в чем не виноваты, и таким образом мы оказались неожиданно «научно» помещены по ту сторону добра и зла. Там мы можем хорошо себя чувствовать, наслаждаться отпуском и грядущей вечеринкой. Только если мы немного заболеем, даже неизлечимо заболеем, тогда мы, к сожалению, должны считаться с тем, что нейротрансмиттеры других людей не сочтут это очень веселым. Немного социального участия для собственного здоровья, впрочем, также эволюционно очень хорошо. И оказывается, что человек – это все же человек, а не волк. Но, пожалуйста, без преувеличения! Если уж люди до луны добрались, то можно, пожалуй, найти гуманные методы для отказа от больных, требующих многолетнего ухода! Страдание – плохое состояние нейротрансмиттеров для больного, для работника по уходу за больным и для всего общества, которому лучше финансировать дорогие надувные матрацы для прыжков, чем противопролежневые матрацы. Микас Деккерс назвал надувные матрацы в форме замков потогонными оазисами здоровья. В романе «Ненужные» шведский автор Нинни Холмквист описывает общество совсем не такого уж далекого будущего, в котором все люди старше 50 лет, у которых нет детей, эвакуируются по однажды принятому решению парламента в роскошный район. Там их содержат в комфортных условиях, но они обязаны отдавать свои органы «нужным» людям, и, главное, быстро исчезнуть в приятной атмосфере. Тот, кто хочет последовательно добиваться наибольшего счастья для наибольшего числа людей, может быть только доволен. Нейротрансмиттеры улыбаются.

Сегодня совершенно нормальное безумие более не являет себя в устрашающем образе из мяса и крови в виде гитлеров, сталинов, мао цзедунов. Совершенно нормальное безумие проникло в бескровные теории. И оттуда ползучий яд проникает во все общество. Впрочем, и вы, дорогой читатель, читающий эти строки, тоже уже не выглядите бодрим. Вам не хватает веселья, жизнерадостности, бурной самоотдачи ради будущего нашего общества. Вы ведь не нарушите равновесия нашего довольного общества печальным прогнозом? Вы ведь знаете: есть «выход», и для вас...

Безумно нормальные – однотонные и стоящие по стойке «смирно»

Бывает не только совершенно нормальное безумие. Бывают также безумно нормальные. Они существуют, эти пустые бледные фигуры, которых ни о чем не вспомнишь, хотя они и сидели напротив тебя в поезде несколько часов подряд. Эти серые мыши нашего нормального общества, девиз которых: как бы не выделиться! В школе они были середнячками вплоть до хорошистов, немного карьеристами, но только в такой степени, чтобы одноклассники не ощутили вызова. В пубертатный период они клеили на стул преподавателю жевательную резинку,

никому ничего не сказав, чтобы не попасться. Женщину на всю жизнь они находили в местной прачечной среди тех, для кого чистота до глубины пор, естественно, превыше всего. Они были бухгалтерами в финансовом управлении и сопротивлялись своей внутренней потребности надевать нарукавники, только чтобы не выделяться. Они выбирали одежду всегда так, как это подобает ухоженному господину: мужчина прилично одет, если никто потом не может вспомнить, что на нем было надето. Их мнения всегда совпадают с мнением большинства. Допустимо немного критики, но не слишком. Они умирают несенсационно от инфаркта миокарда, как большинство их друзей, и на надгробном камне стоит: он жил тихо и неприметно и умер, как принято. Тем самым они совершенно в тренде даже в виде трупа. У таких людей никогда не было шанса попасть в психиатрическую лечебницу. Они по всем психологическим тестам безукоризненно соответствуют нормальному состоянию. Глядя на них со стороны, трудно понять, живут ли они вообще, и если да, то как? Вероятно, однако, как-то они живут, только незаметно.

Не будем презирать безумно нормальных. В конце концов, они – клей нашего общества. Они – условие существования всех правил уличного движения. Они – радость всех статистиков, которые ничего так сильно не ненавидят, как не вписывающееся в статистику. Безумно нормальные – это рамки, существующие для того, чтобы все исключительные смогли себя почувствовать действительно исключительными. Но есть и проблема с этими нормальными. Они не любят иных. Они ненавидят всех этих ярких, пронзительных, громких. Их постоянно приводят в ярость эти беспорядочные типы, которые неправильно паркуются, превышают разрешенную скорость и слишком долго едут на автобанах по левой полосе. Им никогда не пришлось бы в голову поговорить с такими людьми. Но когда сосуд переполнен, то он взрывается, и порядочный гражданин может стать фурией, охваченной праведным гневом. Психотерапевт Пауль Вацлавик изобразил трудности такой жизни в знаменитой истории с молотком: один мужчина хочет повесить картину и понимает, что у него нет молотка. Он раздумывает, не попросить ли молоток у соседа. Но этот сосед – странный человек. Он всегда такой немногословный, по-видимому, высокомерный, заносчивый и эгоистичный; у него, возможно, такой мерзкий характер, что, имея молоток, он его все равно не даст. Просто невысказанно, какая дерзость, какая бездонная наглость! И вот, он звонит в дверь абсолютно неизвестного ему соседа и с красным от гнева лицом кричит озадаченному мужчине: «Ну и держи у себя свой молоток!»

Хотя безумно нормальные нормальны, они могут быть непредсказуемы. Недавно мужчина, который постоянно спорил из-за пустяков со своими соседями по небольшому садовому участку, взял и убил семью из трех человек. Все свидетельствует о том, что этот мужчина был безумно нормален.

Тот, кто не может видеть кровь и поэтому не хочет убивать своего соседа, сегодня имеет все возможности убить его духовно. В век политкорректности снова введен позорный столб. В средние века людей для наказания выставляли в общественном месте у позорного столба с вывеской, на которой было указано преступление. Сегодня это считается грубым нарушением человеческого достоинства. В то же время, не задумываясь, человека подвергают высмеиванию и глумлению во всех средствах массовой информации из-за любого не очень корректного высказывания. В средневековье у позорного столба стояли в определенном месте и только несколько часов. Жертвам политкорректности достается, как правило, на всю жизнь и отовсюду. Поскольку по электронным средствам массовой информации общественная дискредитация распространяется на весь мир и носит почти нескончаемый характер. Создается впечатление, что человечество имеет низменную потребность в инквизиции, естественную и неутолимую. И поскольку церковь больше не должна прислуживать учреждениям такого рода, мы демократизировали инквизицию. Каждый может объявить любого чертом жареным, отвратительным исчадием ада, неисправимым еретиком. Последние исследования в итоге показали, что настоящая инквизиция придерживалась строгих правил и действовала вследствие этого

значительно более сдержанно, чем это изображала чудовищная молва. В основном инквизиция считала своей задачей восстановить справедливость, не навлекая на жертв широкий народный гнев. Преследования ведьм были только в тех местностях, где инквизиция не функционировала, например, в Германии, но не в Испании. Сегодня же для жертв нет политкорректного суда, в котором они могли бы искать защиты. Все эти безумно нормальные люди непреклонно настаивают на том, что раз все, действительно все это говорят, то значит, это правильно. А то, что правильно, они, безумно нормальные, определяют сами.

Неудивительно, что все, отклоняющееся от нормы – единственная неприятность для этих нормальных. Конечно, против отклонения от нормы наверху отдельная маленькая серая мышка не осмелится протестовать. Поэтому вся несорванная досада на тех, кто наверху, превращается в агрессию по отношению к тем, кто внизу. Наверху прогнуться, а внизу подмять – они, безумно нормальные, умеют это делать хорошо. Они считают это своим правом, прямо-таки правами человека. Кто, как не они являются колесами, приводящими все общество в движение? Не они ли являются теми, кто своими отчислениями в виде налогов беспрекословно оплачивает все, что гарантирует надежность и благосостояние всех? И поэтому они стреляют в иностранцев, инвалидов, неудачников общества. И хотя они стреляют только словами, эти слова часто действуют, как пули. Не по легкомыслию они говорят так, а после тщательной проверки. Они скажут это только в благоприятной атмосфере среди таких же нормальных, которые думают так же нормально. Иностранцы должны за милую душу убираться туда, откуда пришли, неудачники сами во всем виноваты (в конце концов, ведь без пота и слез в жизни не пробьешься), а инвалиды – так уже существуют точные исследования, позволяющие предотвратить рождение инвалидов: «сегодня их больше не должно быть...».

Глухая обывательская атмосфера царит в такой среде. Должно быть, она была уже в древних Афинах, когда Диоген Синопский ясным днем бежал по городу с фонарем в руках среди всех этих нормальных и на вопрос, что он делает, отвечал: «Я ищу человека». Очевидно, что во все времена были безумно нормальные, и они встречались во всех слоях населения. И также в кругу врачей. Идея эвтаназии ни в коем случае не была изобретена нацистами, а – врачами, психиатрами. Пользующийся хорошей репутацией коллега Гоше вместе с неким господином Биндингом настаивали на этом уже в 1920 году, в то время, когда Гитлер еще только упражнялся в фантазиях обеспечить «хорошую смерть» для «недостойных жизни». Эвтаназия по-гречески $\epsilon\upsilon + \theta\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omicron\varsigma$ (хорошо + смерть). Ненормальные не должны быть более грузом для общества нормальных людей. Хорошо, когда врачи считают болезни недостатками, которые они пробуют устранить. Мы ценим в них это. Если же они, исходя из профессиональных представлений, создают мировоззрение, медицинская болтовня становится человеконенавистнической. И подобная ментальность без проблем пережила национал-социализм. Она распространяется по всему обществу. Лауреат Нобелевской премии Уотсон, который вместе с господином Криком обнаружил в пятидесятых годах прошлого столетия двойную спираль, совершенно серьезно предлагал взимать с людей с низким коэффициентом интеллекта более высокие налоги, если они производят на свет детей, так как тем самым они перегружают общество. Только позже, когда он заявил о якобы более низком интеллекте черной расы, правозащитники забили тревогу. Поскольку по известным историческим причинам больше не говорят «раса». Надо выражаться по-другому. Можно сказать, например, «чужак», – выражение «проникновение чуждых влияний» стало обычным у нормальных как правых, так и левых убеждений.

Безумно нормальные имеются во всех культурах. Никто в определенных местностях Турции не стал бы лечить у психиатра отца, который принуждает свою дочь к браку, и убивает ее, если она противится, а себе самому позволяет некоторые мужские отклонения от супружеской верности. В определенных местностях Сицилии, должно быть, еще сегодня совершенно обычно исполнять то, что «убедительными аргументами» настоятельно рекомендует мафия. Омерта, обет молчания определяет, что можно говорить и, прежде всего, что говорить нельзя.

Это находит поддержку безумно нормальных. Поскольку они, эти нормальные, не так охотно высказываются, особенно публично.

Конечно, они могут стать зловецами, эти пустые фигуры. Они ничего не говорят, но они повсюду. Мифом послевоенной Франции стало то, что почти все французы участвовали в движении Сопротивления против Гитлера и его вассала, старого маршала Петэна. Однако, в самой Франции в начале 70-х годов прошлого столетия появился хорошо смонтированный документальный фильм, который слегка исправил этот миф. Там можно было видеть маршала Петэна, ехавшего по занятому немцами Парижу в начале 1944 года. Улицы и площади были черны от людей. «Весь Париж приветствовал возгласами ликования старых борцов Вердена». Два миллиона человек были на ногах. Это было триумфальное шествие! Четырьмя месяцами позднее: та же самая картина. Только теперь это был бывший смертельный враг, генерал де Голль, который ехал по Парижу после освобождения. Снова стояли два миллиона человек. «Весь Париж приветствовал возгласами ликования освободителя». И примечание: «В Париже в то время было два миллиона жителей. Должно быть, тех же самых».

В Германии тоже нормальные были безумно гибкими. Вернер Хефер, честный журналист культовой передачи «Ранняя кружка», который в Немецком телевидении послевоенного времени представлял совершенно нормальную демократическую точку зрения обычной новой демократии, должен был, в конце концов, притихнуть, так как он считал коричневую гниду совершенно нормальным явлением и совершенно обычно комментировал его. Джордж Оруэлл в своем пророческом романе «1984» изобразил победу масс и то, как трудно одиночке бороться против этого. Безумно нормальные охотно рукоплещут чему угодно, если их много и они вместе. Они славят Гитлера, Сталина, Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена. И тогда они больше не серые, а коричневые или красные или еще какие-нибудь цветные. Тогда безумно нормальные стоят, как клоны, тысячными рядами перед каким-либо отвратительным представителем совершенно обычного безумия и хорошо себя чувствуют. Поскольку они могут презирать всех тех, кто презирал их за средненький уровень. Они чувствуют, что их, посредственных, довольно много, и у них есть власть над этими «белыми воронами». И тогда слышится облегченный шепот массы безумно нормальных, тогда их нормальность становится агрессивной.

Нормопатами с легкой иронией называют людей, которые настолько безумно нормальны, что становится больно. По крайней мере, окружающим. Уже сама ирония может быть опасна, поскольку юмор, сомнение по отношению к себе абсолютно чуждо ожесточенным нормопатам. Им не хватает легкости, может быть, даже иногда легкомысленности. Поэтому они сидят в комеди-шоу и смеются в тех местах, где смеются все. Им не надо понимать шуток, – просто в атмосфере общего согласия они хорошо себя чувствуют. Но когда они покидают мероприятие, жизнь для них снова становится чрезвычайно серьезной. У таких людей, которым важно всегда все делать правильно, никогда не парковаться с нарушением правил, проявление настроения просто невозможно. «Глупость» – для них унижительное бранное слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.